
Материалы Самиздата

(Samizdat Materials)

Выпуск 21/72

26 мая 1972.

АС №№

1054. Приговор одиннадцати обвиняемым по ленинградскому "самолетному делу", вынесенный Судебной коллегией по уголовным делам Ленинградского городского суда, 24 декабря 1970г. (22 стр.)
1068. Открытое письмо Брежневу, Подгорному и Косыгину от представителей Церкви ЕХБ г.Барнаула (копии 24 ответственным лицам и организациям), без даты, м.б. начало 1969г. (26 стр.)
1074. Анонимный документ, в котором разбирается "Обращение к Петру Якиру" А.Розина, без даты, м.б. конец 1969г. или начало 1970г. (7 стр.)

Внимание: Прилагаемые документы размножаются для использования их штатными сотрудниками Радиостанции Свобода. Радиостанция Свобода намерена предоставить эти материалы для использования другим лицам по их просьбе при условии, что они предназначаются только для частной информации и использования. Во всех случаях пользование этими документами сопряжено со строгим соблюдением всех ограничений, помеченных на отдельных материалах.

Important Notice: The documents attached to this coversheet have been duplicated for the use of Radio Liberty staff members. Radio Liberty will consider making this material available as a courtesy to other professional users upon request on the specific understanding that it is for their personal information and use only. Receipt of these documents is conditioned in all cases by strict observance of any restrictions noted on individual items.

АС №1071. Анонимное письмо из Мордовии, ст. Потьма, без даты, м.б. конец 1971 или начало 72 г.+

Я попал в Мордовию пару лет назад. И вот я в одном из десятков Мордовских лагерей.

Прекрасно помню дорогу от Потьмы до места заключения. Куда ни глянь - всюду дремучие леса, но по обе стороны дороги то и дело появлялись высокие лагерные заборы. Кажется, что жизнь в этих местах имеется лишь в непосредственной близости от лагерей. Можно видеть группы людей в арестантской одежде, сопровождаемых автоматчиками с собаками, а рядом непонятно для кого построенные клубы с лозунгами. Но основное, разумеется, - это заборы, заборы, заборы. Лагерей в Мордовии очень много. Заключенные называют их просто "зонами". Что же это такое? Это участок, огороженный глухим, без единой щели забором, высотой два-три метра. Поверх него натянута колючая проволока и расположены вышки, с которых просматривается вся зона.

Мы отрезаны от внешнего мира еще и с помощью так называемой запретной полосы, на которую не может ступить нога заключенного. Это вспаханный участок земли, отгороженный еще одним рядом колючей проволоки.

Здесь стоит воинская часть, осуществляющая вооруженную охрану. Солдаты несут вахту на вышках, откуда может раздаться автоматная очередь при приближении заключенного к запретной полосе.

Внутри зона состоит из жилой и рабочей. Мы живем в бараках - одно-или двухэтажных домах. Внутри они разделены на помещения, в которых находятся от 4-х до 12-ти человек. В разных лагерях по-разному. Спим на нарах, расположенных в два этажа, причем ночью не выключается свет, для того, чтобы за нами можно было наблюдать и во сне. К этому сначала тяжело привыкнуть.

+Перепечатка с оригинала из АС.

У всех одинаковая одежда: летом - холщевые брюки и блуза, а зимой к этому добавляется жиденький ватник и шапка-ушанка - все темного цвета, часто бывшее уже в употреблении другими з/к. Многие вещи отбирают у всех по прибытии до окончания срока. Нам не дают пользоваться своими шерстяными вещами, несмотря на сорокаградусные морозы, часто бывающие в Мордовии.

Здесь отбывают наказания за различные преступления. Можно встретить уголовников, сектантов, бывших немецких карателей и так называемых "политических". Вообще говоря, считается, что в Советском Союзе нет политических преступников, поэтому и нет статей закона, карающих за такие преступления. Именно поэтому люди, осужденные за свои убеждения, квалифицируются советским правом как уголовные преступники. К примеру, в течение 1971 года к нам в Мордовию прибыла многочисленная группа евреев, осужденных в разных городах Советского Союза за антисоветскую деятельность. Теперь я знаю многих из этих людей и понимаю, что единственное, чего они хотели - выехать в Израиль. И вот все мы вынуждены жить за колючей проволокой.

Вся жизнь в лагере подчинена работе. В цехах, где работает большинство заключенных, работа в две смены. И люди одну неделю работают в первую смену, другую - во вторую. В шесть часов утра подъем у первой смены, затем завтрак и в семь тридцать - "развод", т.е. выход на работу. С восьми до шестнадцати тридцати - работа с перерывом на обед с 12 до 12.30. Около 17.00 - развод с работы. Затем ужин и до 22.00 - свободное время. Во вторую смену, на мой взгляд, работать хуже /но самое неприятное - необходимость перестраиваться каждую неделю/. Вот расписание второй смены: 8.00 - подъем, завтрак, в 12.00 - обед, в 16.00 - развод на работу, с 16.30 до 0.30 следующего дня - работа с перерывом на ужин с 19.00 до 19.30. В час пятнадцать - развод с работы. Сколько часа тридцати можно лечь спать. Таким образом, для сна всего шесть с половиной часов - с часу тридцати до 8.00. Разумеется, почти все, кто работают во вторую смену, спят после обеда почти до развода.

Итак, в 7.30 "развод" на работу.

Вообще считается, что трудовая деятельность является основой перевоспитания преступников, и поэтому именно ей отводится основная, особая роль в жизни лагеря: поощрения и наказания заключенных во многом определяются их отношением к работе. Кроме того, она является единственным источником существования, так как из заработанных денег, с разрешения начальства, з/к может использовать до 5-ти рублей в месяц на покупку продуктов в ларьке.

Арестанты используются в Мордовских лагерях на всевозможных, даже самых неквалифицированных работах, вне зависимости от их профессиональной подготовки и образования. "Политических" же, как правило, используют на самых тяжелых и вредных для здоровья участках. Наиболее ясно я увидел это на примере осужденных евреев, многие из которых получили высшее образование и до ареста работали в государственных учреждениях.

Работа на зенкере - одна из самых тяжелых на заводе, где многим приходится трудиться. Ее выполняют научный сотрудник Владимир Могилевер, военный инженер Вульф Залмансон, его брат Израиль - студент Рижского Политехнического института, Ашер Фролов - студент Рязанского Политехнического института, Шимон Левит.

Что такое зенковка? В патрон сверлильного станка вставляют зенкер. Он похож на сверло, но с тупым концом. Им не сверлят, а чуть-чуть расширяют отверстие. Надо взять втулку, поставить в зажим /вроде тисков/, повернуть кран. Сжатый воздух приводит в движение зажим, и деталь оказывается точно под зенкером. Затем надо вращать колесо станка, чтобы зенкер опускался вниз и расширял отверстие. "Пройдя" отверстие, вращают колесо в противоположную сторону - зенкер поднимается. Затем зажим разжимается поворотом крана. Не останавливая вращение зенкера, надо вынуть освободившуюся готовую деталь и поставить новую. Потом весь процесс сначала. За смену надо сделать 1200 деталей. Самое опасное - вынимать готовую деталь и вставлять новую. Выключение станка при этом технологией не предусмотрено, что является грубым нарушением техники безопасности, недопустимым на воле. И вращающийся зенкер легко может задеть

руку. Травмы на этом станке - дело обычное. Кроме этого, то есть того, что зенкер может поранить руку, из-под зенкера летит острая раскаленная стружка. А работать в перчатках нельзя /даже запрещено правилами техники безопасности/. Ведь если рука в перчатке попадет под зенкер, то перчатка начнет на него наматываться со всеми вытекающими последствиями.

Ко всему вышеописанному можно добавить брызги эмульсии, разъедающие кожу, угар и страшный шум. Шум этот не только от своего станка. Вообще в цехе страшный шум. У Шимона Левита все руки в мелких порезах - страшно смотреть, а недавно он сильно поранил руку, но не опасно - заживет. Вульфа Залмансона сюда без объяснения причин перевели из технического отдела, где он занимался инженерной работой - единственный из всех евреев; Израиль Залмансон переведен из отдела главного механика, якобы за плохую работу, хотя с заданиями он справлялся.

Нормы никто из них выполнить не в состоянии, хотя Левит и близок к этому. Норма огромная, но если ее не выполняешь, то тебя наказывают.

Еще хуже работа в так называемой "аварийной" бригаде, где сейчас работает Давид Черноглаз, бывший инженер. Все мы боимся попасть на эту работу. Дело в том, что основное - это разгрузка и погрузка вагонов - работа очень тяжелая и опасная. Кроме того, могут поднять в любое время суток, даже глубокой ночью, за ранее этого никто не знает. И в воскресенье могут погнать на работу.

На первый взгляд легким может показаться шитье рукавиц в лагерной мастерской. Брезентовые рукавицы, сшитые в Мордовии, носят рабочие далеко за ее пределами. Такие мастерские есть почти во всех зонах. Политические заключенные женщины, которых всего 14 человек и среди которых сестра Изи и Вульфа - Сильва, заняты исключительно на этой работе, но даже для них она очень утомительна. Что же говорить о мужчинах: Арье Хнохе, Иосифе Менделевиче, Юрии Федорове, Алексее Мурженко... Огромную норму приходится выполнять в плохо освещенных помещениях, на машинах,

которые непрерывно ломаются, причем выполнение нормы обязательно при всех обстоятельствах, если не хочешь быть наказанным. У Сильвы Залмансон во время работы немеет спина и появляется головокружение, связанное с напряжением зрения. Из-за обострения заболевания глаз Юрия Федорова перевели с шитья на вывертывание рукавиц - работу менее способствующую развитию заболевания - острого конъюнктивита глаз. Вообще-то ему еще повезло, потому что норму на шитье способен осилить далеко не каждый даже здоровый человек, со всеми вытекающими последствиями.

Сам я работаю на стройке, как Толя Альтман, Миша Шепшелович, Боря Пэнсон, Арон Шпильберг. Поначалу они были подсобными - возили тачки с песком, переносили различные тяжести. Особенно трудно приходилось кандидату физикс-математических наук Льву Львовичу Коренблиту, человеку некрепкого здоровья, всю жизнь проведенному в научных лабораториях, которому такая работа была попросту не под силу. К тому же, при этапировании в лагерь Лев Львович так разбился в "воронке" /машине для заключенных/, что первую неделю почти не мог встать, не говоря уже о выполнении работы, на которую все равно выгоняли.

Это усугубляется еще и тем, что мордовские морозы в так называемой лагерной спецодежде вынести почти невозможно. В нашей жизни часто случаются всевозможные перемены: в любой день можно ожидать перевода на другую работу, еще более тяжелую, как это произошло с Толей и Мишей, которые сейчас вдвоем на пронизывающем ветру трудятся на бетономешалке. А то могут и на пресс послать, как мужа Сильвы - Эдика Кузнецова. Эта работа известна большим количеством травм, получаемых заключенными из-за отсутствия элементарных норм техники безопасности. В лагере пресс не имеет никакого предохранительного ограждения, и надо вынимать паковки и закладывать заготовки, не останавливая машины. На свободе такого не встретишь нигде, а в лагере можно - ведь рабочие - государственные преступники.

Большинство видов лагерного труда объединяет одно общее качество - непомерно большая норма выработки, требующая, кроме навыков, еще и незаурядной физической силы. А это возможно лишь при

нормальном питании.

Привыкнуть к лагерной пище новичку очень нелегко.

На завтрак "суп". Для выполняющих норму - дополнительное питание - каша с маслом /растительным/ и сахаром. Так как я этой каши не получаю, то утром в столовую совсем не хожу. На обед дают щи и кашу /или горох или "рагу" - мало съедобное/. На ужин кусочек жареной рыбы и каша. Сейчас из-за начала эпидемии гриппа стали изредка давать по луковичке. Немного лука продали и в ларьке, но всем не хватило. Вообще никаких фруктов и овощей никогда не дают и не продают.

Интересно, что в письмах, где упоминалось, что кормят "неплохо" - эта фраза вычеркивается, а письма возвращаются цензором. Помимо установленного лагерного рациона, з/к при условии выполнения нормы и "хорошего поведения" имеют право на покупку продуктов в ларьке на мизерную сумму денег /до 5-ти рублей в месяц/. Ассортимент продуктов, предлагаемый в ларьке, очень скуден: маргарин, колбасный сыр, рыбные консервы низкого качества, конфеты - леденцы и карамель, хлеб серый, махорка, фруктовый джем, также такие предметы первой необходимости, как зубной порошок, конверты и марки. Данный ассортимент установлен официально и неизменно в течение нескольких десятилетий.

Кормежка в больнице гораздо лучше, чем в лагере, по так называемой форме 6"б". Основное отличие - белый, скорее серый хлеб, компот или кисель, молоко /250 грамм в неделю/, кусок мяса /50 гр. в день/ за обедом на второе, правда, четвертой категории. Попасты в больницу, подлечиться и поесть - мечта каждого заключенного. Это, конечно, большое дело.

Лагерная больница рассчитана примерно на 120 мест, а общее количество заключенных в лагерях строгого и особого режима достигает 1500. Специалистов в больнице почти нет, если не считать 3-х терапевтов, одного хирурга и одного зубного техника, да и то они только что кончили медицинские учебные заведения и совершенно не имеют опыта. Рабочий день у врачей с 10 до 17 часов. В вечернее и ночное время, выходные и праздничные дни помощь не оказывается

вообще, так как нет дежурного врача. Его, а также медсестру и санитарку заменяет заключенный, так называемый фельдшер, у которого нет образования. Так, например, в 7-м бараке больницы фельдшер - бывший тракторист. Интересно то, что и в больнице, несмотря на то, что на работу не гоняют, сохраняются различия в режимах содержания: строгих - на строгом, а особых - на особом, с проживанием в камерах, чаще всего одиночках. В случаях хирургического вмешательства больного доставляют на носилках прямо из зоны заключенные, а потом уносят послеоперационного больного назад.

Набор лекарств в медчасти очень скуден, причем все медикаменты с давно истекшим сроком годности. Получать же лекарства от родственников заключенным запрещено. У жены Альтмана отказались принять для передачи Толе викалин, необходимый для снятия жестоких болей в желудке. Жена Федорова вынуждена была оставить синалар, привезенный для Юрия, на вахте. В конце концов лекарство было передано в больницу, и Юрий иногда им пользуется для лечения развившейся в лагере экземы.

Владик Могилевер, не справлявшийся с тяжелым физическим трудом /я уже говорил о работе на зенкере/ из-за сильной близорукости, переведен на ненормированный труд - в бригаду по разделке дров. Пилит себе дрова потихоньку на свежем воздухе. Ему удалось попасть в больницу и получить соответствующую запись - оттуда и "прекрасные" перемены, происшедшие в его жизни. Для многих других попасть в больницу - все равно, что достать чашу Святого Грааля. Эдик Кузнецов мучился адскими болями в желудке, похожими на язву желудка. Его совершенно донимали острая боль при тяжелой работе и бесконечные рвоты. Однако, ему никто не верил и гоняли на работу, пичкали какими-то таблетками, употребляемыми при дезинтерии, даже не установив диагноза! О спецпитании не могло быть и речи, хотя Эдик не съедал и десятой доли лагерной баланды.

Добиться установления диагноза - дело очень сложное, которое часто длится многие месяцы. Обращения к лагерному начальству обычно не дают результатов, и отчаявшиеся заключенные идут на голодные забастовки протеста, длящиеся по многу дней и еще более под-

рывающие их здоровье. Дорогой ценой достигается медицинское обслуживание в лагере! Лишь после недельной голодовки Эдуард Кузнецов был, наконец, отправлен в больницу. В результате примитивного обследования врач поставил диагноз - гастрит, несмотря на явные симптомы язвы желудка. Удивленный Эдик попросил применить рентгеноскопию, но ему "пообещали" сделать это через месяц. Никакого лечения, кроме таблеток от рвоты, назначено не было, и сейчас Кузнецов находится в зоне в том же состоянии, что и раньше.

У его жены - Сильвы Залмансон развивается желудочное заболевание с такими же симптомами - резкая боль и рвоты. Кроме того, у нее ухудшился слух. Сильва нуждается во всестороннем и глубоком медицинском обследовании, которое в условиях Мордовии получить практически невозможно.

Анатолий Альтман пошел в зону с язвой 12-типерстной кишки, установленной еще на свободе. У него сразу же начались боли, и он одним из первых евреев попал в больницу. Вышел же он оттуда с таким диагнозом, который не предусматривает специального питания - гастрит.

Шимон Левит страдает воспалением лобных пазух. В течение длительного времени, ввиду отсутствия специалиста, единственным назначенным ему лекарством были таблетки от головной боли. После резкого ухудшения его состояния он был освобожден от работы. У него была высокая температура, но так как в больницу заключенных конвоируют только по пятницам, хотя он находился в той же зоне, что и больница, принятие мер по его лечению было отложено почти на неделю. Из больницы он был выписан с температурой, которая и теперь держится по вечерам.

Соломон Дрейзнер два месяца испытывал мучительную зубную боль и не мог попасть на прием к врачу. После сообщения о смерти матери у него началось воспаление тройничного нерва, которое причиняло ему невыносимую боль. Начальник медчасти отказывалась оказывать ему первую медицинскую помощь, угрожая штрафным изолятором. В болезненном состоянии его принуждали выходить на работу. Так как он этого не делал, то его лишили очередного свидания. Соломон

написал несколько жалоб в различные инстанции, протестуя против отсутствия лечения и необоснованности наказания. Доведенный до отчаяния, он объявил голодовку и проголодал 6 дней. Его вызвали в спецчасть и сказали, что он зачинщик беспорядков и плохо влияет на других заключенных, угрожали наказать.

У Якова Михайловича Сусденского заболело сердце. Было это в воскресенье 5 декабря. Я сам был свидетелем, как ему было плохо. Естественно, наутро он пошел в медчасть /на работу он должен был выходить во вторую смену/. Он хотел, чтобы его полечили и освободили от работы хотя бы на день /понедельник/. Начальник медицинской части фельдшер Егорова сказала ему: "Надо меньше заниматься еврейским языком" и освобождения не дала. Увидев его, я очень удивился и еще более удивился, услышав его рассказ. Могилевер же пошел после работы в медчасть с единственной целью - проверить, так ли это было. Действительность превзошла все ожидания. Начальница спокойно повторила все, что говорила Яше, хотя Владик почувствовал какое-то замешательство. Он напомнил фельдшеру Егоровой о статье 123 Конституции СССР, устанавливающей расовое и национальное равноправие, и о ст. 74 УК РСФСР, карающей за нарушение такого равноправия. На вопрос: "А откуда вы узнали о том, что Сусденский занимается еврейским языком?" - начальница простодушно ответила: "Что, думаете, оперчасть нас не информирует что ли?" Что правда, то правда. Оперчасть не только информирует. Она и решает окончательно, поедет человек, например, в больницу, или нет. Скажем, Яшу уже два раза вычеркивали из списка. Он направил жалобу по поводу плохого медицинского обслуживания Прокурору по надзору СССР.

Легко представить, как подобное медицинское обслуживание отражается на здоровье людей, если для того, чтобы тебя начали лечить, надо демонстрировать "хорошее поведение" - беспрекословное подчинение всем правилам и выполнение всех лагерных норм. Чуть что не так - неотвратимо наказание. Арсенал наказаний в лагере - неисчерпаем - от лишения права на очередное письмо и до добавления срока. Лишение бандероли и посылки - также один из видов наказания. Кстати, это единственный источник дополнительного питания, так как получать посылки заключенные могут, лишь отбыв половину срока,

сколь велик бы он ни был - всего лишь одну посылку до 5-ти кг весом в год, да и то, если ты не лишен права на это. В бандеролях до 1 кг весом, положенных лишь два раза в год с начала отбытия срока, можно посылать сухопродукты, причем по лагерной инструкции к ним можно отнести лишь баранки и сухари - остальное запрещено. Заключенным евреям присылали несколько раз бульонные кубики, но и их вскоре запретили, мотивируя это тем, что это хоть и сухопродукт, но мясной, а мясо - запрещено. Шоколад также запрещен, как "возбуждающее средство". Однако, лишение даже этого скудного пополнения продуктов отягчает и без того нелегкую лагерную жизнь.

Еще более строгое наказание - лишение права на свидание. Для заключенного и письма и свидания важны как символ, знак, свидетельство нерушимости взаимоотношений. Понятно, что день свидания заключенный ждет с волнением, нетерпением, задолго мысленно подготавливая себя к нему, будь оно личное до трех суток, с совместным проживанием с родственниками, или общее - до 4-х часов в присутствии надзирателей. Во время личного свидания вывод на работу необязателен - по усмотрению начальства, и уголовники, бывшие каратели, как правило, получают 3-хсуточные свидания, и никто и не думает отправлять их днем на работу. Однако, я еще ни разу не видел, чтобы заключенному еврею дали свидание без выгона на полный рабочий день, крадя у заключенных и их родственников столь драгоценные часы. За 1971 год этому подверглись Арон Шпильберг, Давид Черноглаз, Виктор Богуславский, Лассаль Каминский, Юрий Федоров, Анатолий Альтман да и вообще все заключенные евреи. Уменьшение и без того до смешного короткого общего свидания, никому не понятная, бессмысленная жестокость, если принять еще во внимание, что родственникам приходится зачастую ехать за тысячи верст, чтобы встретить этот очередной удар и многие другие, к которым они не подготовлены морально. Надзиратели на свиданиях обращаются с родственниками невероятно грубо, с глубоким презрением, причем делается это с ощущением полной безнаказанности: действительно, обычно никто не протестует, а то еще чего доброго

укоротят долгожданное свидание. Жалобы на надзирателей лагерному начальству никогда не дают результатов. Надзирательницы-женщины, различные Маши и Нади, чувствуют себя полными хозяйками положения. Еще более противозаконен личный обыск, которому подвергаются родственники перед свиданием, который, разумеется, никем не санкционирован. Но ничего сделать нельзя - иначе лишат свидания. Так было с женой Черноглаза, женой Каминского, с дальней родственницей Кузнецова, а об ^уобщипывании и вывертывании карманов, вспарывании сумок и говорить не приходится. Эти обыски проводятся для обнаружения вещей, запрещенных в лагерях - оружия, спиртных напитков, наркотиков и отравляющих веществ. Изымаются в результате: жесигареты, продукты, письма и открытки из Израиля - вещи "криминальные" с точки зрения надзирателей. Ничего другого у родственников заключенных евреев никогда не бывает. Однако, унижительная процедура обыска повторяется из раза в раз.

Зачастую же свидания лишают вообще за так называемые "провинности", например, за невыполнение нормы. Израиля Залмансона лишили свидания очередного - общего. Вначале предупредили, но поскольку он и после предупреждения выполнял норму лишь на 70-80%, то наказали. Это ожидало и Алика Мурженко: он тоже два дня недовыполнял норму, за что и был лишен очередного личного свидания на 1972 год. Алик объявил голодовку, которая продолжалась 27 суток! Его поддерживали в знак солидарности Федоров и Кузнецов, голодавшие 14 суток. Алик дошел до почти смертельного состояния, но прекратил голодать лишь после того, как прокурор из Саранска пообещал сменить наказание на другое. Эдуард Кузнецов не имеет личных свиданий вовсе, так как у него нет близких родственников /мать прикована к больничной койке/, а родню его жены Сильвы Залмансон на долгосрочное свидание к Эдуарду не допускают. Пусть бы хоть заменили ему личное свидание на общее, и то мог бы два раза в год видаться с близкими. Но и это запрещено. Казалось бы, Эдику могут дать личное свидание с женой, находящейся в нескольких километрах от него, но это вдруг оказалось почти неразрешимым делом: сейчас начальство требует представления оригинала брачного свидетельства, хотя во всех официальных документах Сильва и Эдик записаны мужем и женой именно на основании

этой бумаги. Зацепка, но вот уже год почти муж и жена не могут увидеть друг друга...

Вся переписка заключенных подвергается строжайшей цензуре, причем, в отличие от врача, цензор есть в каждой зоне. Узникам запрещено описывать жизнь лагеря, распорядок дня, качество пищи. Переписка должна быть строго личной, иначе письма просто не вручаются адресату, либо приходят с вымаранными кусками или целиком. Тем более гнусно, что политзаключенные часто не могут получить корреспонденцию от близких родственников, уж никак не имеющую предосудительного содержания. Это делается для того, чтобы угнетать дух арестантов, говоря, что им никто не пишет, что о них все забыли. Сейчас известно, что письма жены Черноглаза уничтожаются с составлением акта, Федоров и Кузнецов уже два месяца не получают писем от близких. А ведь они идут непрерывным потоком. С другой стороны, письма из лагеря не доходят до родни на воле, причем администрация обычно утверждает о своей непричастности к утере. Женя Мурженко не получала сведений от мужа в течение 3-х месяцев, что особенно странно, так как почта в обычных случаях работает исправно. Матери Бориса Пэнсона было цинично заявлено, что ее сыну воспитатель предложил регулярно писать, чтобы не огорчать мать, хотя тот писал регулярно, но письма пропадали, как и во многих других случаях.

Воспитательная работа в лагере поставлена на широкую ногу, но никому не понятно, зачем воспитывать в духе советской морали евреев, которые стремятся навсегда покинуть СССР и жить в соответствии с другими устоями. Раз в неделю проводятся политзанятия, которые - хочешь не хочешь - надо посещать, а то будешь наказан. Проводит их "воспитатель" - он же "отрядный" /все з/к разбиты на "отряды"/, он тщательно следит за посещаемостью и активностью з/к на этих занятиях. В процессе воспитательной работы не останавливаются и перед ущемлением национального самосознания и религиозности заключенных евреев. Вспоминаю, как Иосифа Менделевича преследовали всячески, запрещая носить ермолку, что для религиозного еврея равносильно смерти. Лазарь Трахтенберг был лишен возможности прочитать ежегодную поминальную молитву по своей матери, ибо ему запретили получить

из дома библию и молитвенник в целях пресечения возможной в лагерях религиозной агитации, преступления прямо-таки страшного в условиях круглосуточно насаждаемой атеистической пропаганды.

В воспитательных же целях заключенным запрещено получать книги от друзей или родственников - только через книготорговую организацию "Книга - почтой". Заказы на литературу часто так и оседают на столе цензора, хотя это не поддается объяснению: почему уж книги, изданные в СССР, заключенный не может читать? Кстати, газеты дружественных социалистических стран выписывать и получать запрещено.

Но как ни странно, основная претензия к евреям - изучение еврейского языка. Капитан Пичугин вел разговор с Могилевеком на эту тему. На вопрос, почему армянам, украинцам, литовцам и заключенным других национальностей разрешается изучение своего родного языка, начальник оперативной части ответил: "Они принадлежат к своей национальности, а вы - нет". И пояснил: "Вы русские евреи и говорить должны по-русски". Во время беседы капитан Пичугин допускал резкие оскорбительные выпады по поводу еврейского языка и письменности, оскорблял человеческое и национальное достоинство Владика.

Безобразный инцидент с болезнью Якова, когда его из-за занятый языком отказались взять в больницу, я уже описывал. Зачем и кому все это нужно, совершенно не понимаю - ведь заключенные других национальностей ничего подобного не испытывают. Желание изучать язык, еврейскую литературу майор Сорокин из 19 лагеря заклеил "сионизмом", что, в условиях антисюнистской кампании, можно расценивать как прямую угрозу, но, кажется, евреи готовы перенести все, но не отказаться от своей цели.